

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН  
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. Ломоносова

**XVI КОНФЕРЕНЦИЯ  
ПО ИЗУЧЕНИЮ  
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН  
И ФИНЛЯНДИИ**

**Материалы конференции**  
(г. Архангельск, Поморский государственный  
университет имени М.В. Ломоносова,  
9–12 сентября 2008 года)

**Часть I**

*При поддержке проектов  
Российского фонда фундаментальных исследований (№ 08-06-06110-з),  
Российского гуманитарного научного фонда (№ 08-01-14034з)  
и регионального проекта Российского гуманитарного научного фонда  
и администрации Архангельской области (№ 08-01-48181з/С)*

Москва – Архангельск  
2008

Рыбина Е.А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Под общ. ред. Б.А.Колчина и В.Л.Янина. М., 1978. С. 197–226.

Рыбина Е.А. Раскопки Готского двора в Новгороде // Советская археология. 1979. Т. 3. С. 100–108.

Sartorius Sartorius G.F. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse / Hrsg. I.M. Lappenberg. Hamburg, 1830. Bd. I–II. S. 34–40.

С.М. Михеев  
(Москва)

### «ЭЙМУНДОВА ПРЯДЬ» В СОСТАВЕ «КНИГИ С ПЛОСКОГО ОСТРОВА»

Древнеисландская «Эймундова прядь» (*Eymundar þáttur*; далее – Еум.) дошла до нас в единственном списке в исландской рукописи XIV в. – т. наз. «Книге с Плоского острова» (*Flateyjarbók*). *Flateyjarbók* представляет собой свод саг о норвежских конунгах, в который включено множество новелл о взаимоотношениях приезжего исландца с конунгом.

«Эймундова прядь» читается в *Flateyjarbók* в составе «Саги об Олаве Святом», непосредственно после подробного рассказа о неудачном сватовстве Олава к Ингигерд, дочери Олава Шведского. В *Flateyjarbók*, как и в других сводах королевских саг, рассказывается о том, что Ингигерд была выдана замуж за русского князя Ярослава (*Jarisleifr*), после чего Олав был вынужден жениться на ее младшей сестре Астрид.

Сама Еум. почти полностью посвящена описанию событий, происходивших на Руси. В ней рассказывается об участии Эймунда Хрингссона, родственника Олава Святого, в междоусобной борьбе наследников киевского князя Владимира Святославича, умершего в 1015 г. Прядь начинается с рассказа об отказе Эймунда от притязаний на власть в Норвегии (узурпированную Олавом) и о его решении отправиться служить сыновьям Владимира. После целого ряда битв и приключений Эймунд становится правителем Полоцкой земли, где и умирает.

Характерной особенностью Еум. является то, что только в начале и конце произведения повествуется о событиях, известных исландской аудитории. В прологе Еум. обыгрывается типичный для «прядей о поездках из страны» мотив противостояния Эй-

мунда и Олава Святого. В заголовке Еум. упоминаются именно Эймунд и Олав, однако после пролога о взаимоотношениях этих конунгов речь не заходит вплоть до последних строк пряди, где мы обнаруживаем почти никак не связанное с предыдущим повествованием упоминание посещения Олавом Руси, закольцовывающее повествование Еум. и служащее как бы мостиком для возвращения к основному течению «Саги об Олаве Святом». Эта особенность говорит о возможной вторичности включения рассказов об Эймунде в «Сагу об Олаве» и об искусственности пролога и заключительных пассажей пряди.

В двух местах в *Flateyjarbók* имеются, судя по всему, перекрестные отсылки к Еум. Обе они содержатся в той части «Саги об Олаве Святом», которая предшествует Еум. В первом случае упоминается побратим Олава Эймунд Акасон (такой же патроним Эймунд имеет в «Саге об Ингваре Путешественнике», где он назван родственником шведских конунгов). Во втором случае Эймунд упоминается без патронима. Ни в одном другом своде королевских саг Эймунд в этих контекстах не упоминается. Сравнение текста *Flateyjarbók* с текстом «Круга Земного» убеждает в том, что данные фрагменты являются вставками.

Единственное упоминание Эймунда вне *Flateyjarbók* находим в «Саге об Ингваре», содержащей и иную версию его генеалогии, и отличающийся от Еум. рассказ о деятельности Эймунда на Руси. Сравнив норвежскую и шведскую версии рассказов об Эймунде, Р. Кук предположил, что (1) на Руси побывали шведы, с которыми происходили события, нашедшие отражение в Еум.; (2) лидера этих шведов, вероятно, звали Эймунд, либо впоследствии он получил это имя из-за контаминации с отцом Ингвара Путешественника; (3) «одна из версий подвигов Эймунда под началом Ярислейва против его брата Бурислейва была передана в *Yngvars saga* – это была менее точная версия, в которой Бурислейв был захвачен и ослеплен, а не убит; (4) более тщательное описание этой борьбы было приписано представителям норвежской семьи Хринга Дагссона (один из братьев или сыновей которого мог действительно быть побратимом Олава, впоследствии бежавшим на Русь). Эта вторая версия передана в *Eymundar þáttur*. «Эймунд Акасон», упоминаемый в *Flateyjarbók* 2.14 как побратим Олава, – это след «шведской» версии повести» (Кук 1986: 67–68).

Вывод о недостоверности пролога Еум. подтверждается нестыковкой хронологии событий, описывающихся в прологе (1017–1018 гг.) и в основной части Еум. (с 1016 г.). Версия о позднем включении Еум. в то место «Саги об Олаве Святом», где мы находим прядь ныне, позволяет объяснить и противоречивое сообщение Еум. о присутствии на Руси Ингигерд, которая, как принято считать, вышла замуж за Ярослава лишь в 1019 г. Данные о том, что Ингигерд уже была на Руси в момент прихода Эймунда, вероятно, появились в пряди в результате позднего добавления сказителей, передававших рассказы пряди из поколения в поколение (ср.: Джаксон 1994: 170–171). Включение Еум. в «Сагу об Олаве» непосредственно после рассказа о неудачном сватовстве Олава к Ингигерд, возможно, было сделано с той целью, чтобы описать своеобразную месть норвежцев (в лице Эймунда) Ярославу за то, что он увел у Олава невесту.

Итак, «Эймундова прядь» была искусственно включена в состав повествования королевской саги об Олаве Святом. При этом прядь приобрела новые пролог и эпилог, которые подчинили не связанное прежде с норвежской историей повествование нуждам его нового контекста. Под пером исландского компилятора Эймунд был сделан родственником норвежского конунга Олава.

*А.А. Молчанов, к.и.н.  
(Москва)*

### **МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ НОРВЕЖЦА ЭГМУНДА ИЗ СПАНГХЕЙМА ПО РУССКИМ ЗЕМЛЯМ В КОНЦЕ 10-х гг. XIII в.**

Скрупулезный анализ исландских королевских саг, осуществленный на самом высоком научном уровне, с использованием современной методики комплексного источниковедения, позволил, наконец, специалистам понять, каков реальный информационный потенциал нарративных памятников данного вида для тех, кто привлекает их при изучении истории Восточной Европы эпохи Раннего Средневековья (вплоть до середины XIII в.). Трехтомное издание исчерпывающе полной подборки соответствующих текстов с русским переводом и подробными комментариями, осуществленное Т.Н. Джаксон в 1993–2000 гг., снабдило отече-

ственных исследователей долгожданной сводкой тщательно выверенных и объективно оцененных данных.

Одно известие «Саги о Хаконе Хаконарсоне» касается событий, происходивших на Русском Севере с участием скандинавских купцов и воинов в конце 10-х – начале 20-х гг. XIII в. Жизнеописание норвежского короля Хакона Старого (1217–1263) было составлено по заказу его сына и наследника Магнуса Исправителя Законов исландцем Стурлой Тордарсоном в 1264–1265 гг. Автор саги использовал при ее написании богатые архивные материалы королевской канцелярии, официальные анналы и воспоминания современников описываемых событий.

Интересующая нас цепь связанных друг с другом эпизодов одной из сюжетных линий, присутствующей в указанном историческом сочинении, приходится на первые годы правления Хакона Старого. Там идет речь о военно-морской экспедиции норвежцев в Бьярмаланд 1222 г., ее причинах и последствиях. Данный сюжет (фигурирующий и в исландских анналах, правда, в очень лаконичной форме) изложен в саге довольно подробно. Судя по всему, рассказ Стурлы Тордарсона базируется на информации, восходящей к рассказам непосредственных участников дальнего похода. Достоверность целого ряда конкретных сообщений, сохраненных сагой, выявлена в ходе строго научного источниковедческого анализа соответствующих пассажей (Т.Н. Джаксон. 1985, 2000).

Согласно Стурле Тордарсону и его информаторам, опустошительный военный набег норвежцев на Беломорье явился всего лишь ответной акцией. Ведь вся эта история началась несколькими годами раньше, где-то в конце 10-х гг. XIII в. Норвежские купцы прибыли тогда на своих кораблях в Подвинье с сугубо мирными, коммерческими целями. Наладив успешную торговлю с местными жителями, они затем разделились. Некоторые, удовольствовавшись уже полученным барышом, вернулись осенью, т.е. до завершения периода навигации, обратно в Норвегию. Другие остались зимовать в Подвинье. А Эгмунд из Спангхейма, видимо еще летом, со слугами и товаром отправился в Суздальскую землю и благополучно прибыл туда, явно имея намерения именно там вести наиболее выгодные торговые операции.

Тем временем его соотечественники, оставшиеся на Беломорье, вступили в острый конфликт с тамошними людьми и были